

ТАКЖЕ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Линн Келли

«Песня для Кита»

Кирстен Бойе

«Лето в Зоммербю»

КАРЛИ СОРОСЯК

Меня
зовут
КОСМО

Москва
2020

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С65

Carlie Sorosiak

I, COSMO

Text Copyright © Carlie Sorosiak 2019

Illustrations Copyright © Ben Mantle 2019

This translation of I, Cosmo is published by arrangement
with Nosy Crow ® Limited

Соросьяк, Карли.

С65   Меня зовут Космо / Карли Соросьяк ; [перевод с английского А. В. Захарова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 336 с. — (Книга-событие).

ISBN 978-5-04-111435-0

Пёс Космо — лучший друг Макса, верный защитник его сестры, 8-летней Эммалины, и надёжный помощник родителей ребят. Однако в последнее время Космо стал всё чаще заставлять Макса в слезах, потому что родители Макса и Эммалины часто ссорятся. Поэтому Космо, не жалея своих старых суставов (ему целых 13 лет!), берётся восстановить мир и согласие в семье. И даже вкуснейшая индейка на праздничном столе не собьёт его с выбранного пути!

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111435-0   © Захаров А.В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается всем собакам, которых
я когда-либо любила и люблю до сих пор,
особенно Ральфи, Салли, Дэни, Бадди,
Фэйп, Хлое, Мэри Джейн
и Оскару.

К. С.

Как различить, где танец, где плясунья?

Уильям Батлер Йейтс

1

В этом году я черепаха. Но я не хочу быть черепахой.

— Он поджал хвост, — замечает Макс, склонив голову. На его чудесном личике виднеется беспокойство. — Думаешь, шляпа слишком туго сидит?

Мы на крыльце, и нам улыбается странная тыква — Макс её вырезал и выпотрошил на прошлой неделе. Я съел семечки, хотя он мне и говорил: «*Нет, Космо, нет*». Мне очень трудно остановиться, когда я чувствую какой-нибудь новый и интересный запах.

Отец Макса, которого зовут Папа, поправляет черепаший панцирь на моей спине и говорит:

— Да нет, всё нормально. Ему очень нравится! Просто посмотри на него!

Это лишь один из бесконечного множества случаев, когда я жалею, что мой язык беспомощно болтается во рту. Потому что иначе я бы сказал на чистом человеческом языке, что черепахи — это жалкие создания, которые не могут даже перейти дорогу, а я перешёл много дорог, причём совершенно самостоятельно, без поводка. И этот костюм — просто позорище.

Я не знаю, что ещё делать, так что переворачиваюсь на спину и сучу лапами в воздухе. В спине тут же простреливает; я уже не так молод, как раньше. Но, надеюсь, Макс сумеет понять скрытый смысл моего жеста.

— Папа, по-моему, ему *точно* это не нравится.

Да, Макс! Да!

Папа чешет шерсть на моём подбородке и говорит:

— Ладно, ладно, обойдёмся без шляпы, но панцирь придётся оставить.

Маленькая, но всё-таки победа.

Потом на крыльцо выбегает Эммалина. Настоящий сгусток энергии, она просто сияет.

— *Космооооо!*

Она чешет мне за ухом маленькой ручкой, и я вспоминаю, почему меня разодели черепахой — потому что Эммалина попросила. Потому что ей это очень нравится. Я уже давно смирился с тем, что это одна из моих обязанностей — делать Эммалину счастливой.

Макс хватается Эммалину за руку и кружит, словно они танцуют. Её пурпурный супергеройский плащ развевается. На прошлой неделе я помогал Маме делать костюм: охранял ткань, свернувшись у её ног, а иногда она показывала мне, что уже сделала, и спрашивала: «Ну, что думаешь, Космо?»

«Чудесно, — отвечал я ей взглядом. — Просто чудесно».

— А мы Маму не подождём? — спрашивает Макс.

Он одет в тёмную одежду, на рубашке пятна, и, как мне кажется, он не то корова, не то жираф, хотя, конечно, представить его тем или другим довольно трудно. Жирафы на удивление глупые животные, а Макс очень, очень умён. Он знает три языка, строит модели ракет и умеет сворачивать язык в четырёхлистный клевер. Он даже может

снять крышку с банки арахисового масла. Хотелось бы посмотреть, как у жирафа получится *такое*.

Папа отвечает:

— Она опаздывает. А я не хочу упустить все хорошие конфеты.

Макс говорит:

— Я просто подумал...

Но Папа перебивает его словами:

— Готов, Фредди? — Он очень любит это говорить, несмотря на то, что Макса зовут Макс. Вскоре мы вчетвером отправляемся в синеющие сумерки. Наш дом — одноэтажное кирпичное здание, большой газон и качели, на которых сейчас качается только Эммалина. Бумажные светильники стоят вдоль подъездной дорожки, освещая тупичок.

У меня встаёт дыбом шерсть на загривке.

Хеллоуин — худший день в году. Если вы не согласны, пожалуйста, задумайтесь ненадолго над моей логикой:

1. Большинство сладостей на Хеллоуин — шоколадки. В свой четвёртый Хеллоуин я съел шесть маленьких батончиков

«Хершис», и меня тут же отвезли в ветеринарную клинику, где я провёл четыре часа, мучаясь жуткой болью в животе.

2. Человеческие детёныши выскакивают из-за кустов и кричат: «Бу!» Вообще ничего не понимаю. Одного из моих лучших друзей, немецкого короткошёрстного пойнтера, зовут Бу.

3. Клоуны.

4. Золотистые ретриверы вроде меня слишком преисполнены достоинства, чтобы носить костюмы. Я, конечно, ничего не имею против дождевиков, когда они на самом деле необходимы, но определённые границы всё-таки есть. Например, Мама однажды купила мне костюм кота, и я до сих пор окончательно не отошёл от этой травмы.

5. Бордер-колли спускают с поводка.

Позвольте мне чуть подробнее объяснить пятый пункт. Я не очень люблю конфронтации — ещё с тех времён, когда был маленьким щенком. Но вот для бордер-колли я делаю исключение.

Пять Хеллоуинов назад, в такую же самую ночь, мы с Максом подошли к дому

с белой черепицей в конце улицы. Возле почтового ящика стоял большой угловатый фургон, а из двух открытых окон доносился запах жареной курицы. Я сразу понял, что у нас новые соседи — прежние соседи ели только и исключительно говядину. Над улицей повисла зловещая тишина, луну закрыло тёмное облако. Из-за огромного дуба во дворе, так быстро, что я даже заметить не успел, выскочила бордер-колли. Она была одета в зловещую розовую балетную пачку с крыльями как у феи, её серо-белая шерсть стояла дыбом.

Первой моей реакцией было сочувствие — вот, нас обоих постигла печальная судьба носить костюм. Я побежал к ней в своём костюме зайчика, собираясь вежливо поклониться, а потом по-соседски поприветствовать, дружелюбно понюхав попу. Но то, что произошло потом, было совсем не дружелюбным. За тринадцать лет жизни я такого не видывал.

Бордер-колли оскалила зубы и угрожающе зарычала на меня... и — клянусь! — её глаза засветились красным.

Я перепугался.

По-настоящему в ужас меня приводят лишь несколько вещей: поездки в кузове пикапа, пылесос (звук, резкий запах и то, как в нём всё исчезает) и опасность, грозящая Максу или Эммалине. Тем вечером, когда бордер-колли в последний раз окинула меня взглядом красных глаз, прижав уши и ощерившись, мой список страхов пополнился.

Раньше я очень гордился тем, что знаю имена всех собак в округе. Имена кое-что значат: с их помощью мы представляем себя миру. Возьмём, к примеру, «Космо». Мама однажды объяснила, что «Космо» означает «принадлежащий вселенной», и показала в небо, а Макс достал длинную металлическую трубу, с помощью которой можно рассматривать звёзды. Я сразу почувствовал себя очень важным, словно стал частью чего-то большего, чем я сам. Я очень сочувствую собакам, которых зовут Маффин, или Скуби, или Бисквитик. Как они вообще могут гордо задирать хвост? А вот бордер-колли я называю только по породе. Я решил не давать своему страху имя.

Бордер-колли обычно сидит за деревянным забором, но каждый Хеллоуин её вы-